

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

НАСТАСЬЯ КАРПИНСКАЯ

ИГРА НА УЯЗВИМОСТИ

ЛЕНА СОВЕРШАЛА
ОШИБКИ,
ПОДВОДЯЩИЕ ЕЕ
К НЕПРОСТОМУ
ВЫБОРУ.

ТЮРЬМА
ИЛИ РАБОТА
НА БЫВШЕГО
БОССА?

ВСТРЕТИВ ЧЕЛОВЕКА, У КОТОРОГО ОНА КОГДА-ТО
УВЕЛА БОЛЬШУЮ СУММУ ДЕНЕГ, ЛЕНА ОКАЗЫВАЕТСЯ
ПЕРЕД НЕПРОСТЫМ ВЫБОРОМ:
ТЮРЬМА ИЛИ РАБОТА НА БЫВШЕГО БОССА.

— ❖ —
ЧТО ПОБЕДИТ В ЭТОЙ НЕПРОСТОЙ СХВАТКЕ:
ДЕНЬГИ, НЕНАВИСТЬ ИЛИ ЛЮБОВЬ?

18+

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

Высокие ставки

Настасья Карпинская

Игра на уязвимости

«Автор»

2025

Карпинская Н.

Игра на уязвимости / Н. Карпинская — «Автор»,
2025 — (Высокие ставки)

Лена не раз совершала в своей жизни ошибки, подводящие ее к непростому выбору. Встретив человека, у которого она когда-то увела большую сумму денег, Лена оказывается перед непростым выбором: тюрьма или работа на бывшего босса. Что победит в этой непростой схватке: деньги, ненависть или любовь? Осторожно ненормативная лексика! Лицам старше 18+.

Содержание

Дисклеймер	5
От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	27
Глава 11	29
Глава 12	32
Глава 13	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Игра на уязвимости

Дисклеймер

Данная книга содержит сцены употребления алкоголя и табачных изделий, а также ненормативную лексику. Автор напоминает, что употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью. Все персонажи произведения являются плодом фантазии автора. Любые совпадения имен, фамилий, внешности или жизненных обстоятельств героев, а также название локаций и компаний с реально существующими или существовавшими абсолютно случайны и непреднамеренны.

Осторожно ненормативная лексика! Только лицам старше 18+

От автора

Уважаемый читатель, роман "Игра на уязвимости" (как и весь цикл "Высокие ставки") не является классическим любовным романом, он содержит в себе смешение трех жанров: любовный роман, нуар, остросюжетный роман. Что это значит? Это значит, что в тексте помимо любовной линии, вы найдете присущие этим жанрам отличия и клише, такие как:

- серая мораль, стертая грань между героем и антигероем
- размытая грань между законом и преступлением.
- криминальная линия.
- много сцен в мрачной дождливой атмосфере, ночной город, туман.
- герои много курят и пьют.
- употребление нецензурной лексики и сленга.
- герой умен, богат и всегда на шаг опережает врага/события.
- героя подставляют, и он вынужден очистить свое имя,
- горячие сцены, возникающие в моменты максимального напряжения.
- у героя есть ограниченное время, чтобы предотвратить катастрофу.

Глава 1

Поздний вечер. Я сижу в машине на парковке одного из самых дорогих ресторанов города, куда меня пригласила Аверина под предлогом «поболтать». Я уже не раз участвовала в их посиделках с Аленой, но на этот раз будут присутствовать и их мужья. По неясной причине сегодня этот факт меня немного напрягал. А может, даже не в этом дело, а в том, что тему и причину приглашения я уже предугадывала. Аверина сейчас взялась развивать еще одну ветку бизнеса Колесникова и хотела задействовать меня в продвижении. Все чисто и легально — с меня шмотье для рекламной кампании и дополнительная реклама моих магазинов. Некая коллаборация. Только была одна загвоздка, о которой Аверина не знала. Светиться мне никак нельзя, особенно так явно и открыто, как хотела это сделать Инга. И как ей отказать, чтобы не вызвать излишних расспросов, я не представляла. А рассказать истинную причину своего отказа не могла и, если быть честной, не хотела.

Интуиция отчего-то сегодня вопила, а сознание затопило непонятной тревогой, хотя повода для этого не было. Внутренности скручивало от нервного напряжения, поэтому уже минут сорок я сидела в машине на парковке и курила в окно, смотря на крыльцо ресторана. Пытаясь придумать, что сказать Авериной и как избежать участия в этом проекте, при этом не раскрывая фактов, которые стоят за моим отказом. Но дельных мыслей было ноль целых ноль сотых процента. В голове — гребаное перекаати-поле, а на экране телефона снова высветился номер Инги.

— Уже бегу, — произношу в трубку.

— Судя по времени, бежишь ты примерно из Казахстана.

— Уже на парковке, две минуты.

— Ждем.

Инга скидывает вызов, а я, сжав пальцами телефон, делаю глубокий вдох.

Игнорируя внутреннее состояние подкатывающей паники, выхожу из машины. Так ничего и не придумав, принимаю решение двигаться по течению, исходя из ситуации. Все равно другого выбора нет: пообещала же приехать, и так больше полугода не виделись. То Аверина с Кириллом куда-нибудь укатит, то я. Поднимаюсь по ступенькам и никак не могу совладать с волнением, непонятно откуда появившимся. К невропатологу, что ли, записаться? Не хватало еще к моей бессоннице добавить невроз.

— Проходи. Я сейчас на секунду отойду, — улыбается Инга, встречая меня в холле. Улыбаюсь в ответ, делаю шаг в вип-зал и замираю, останавливаясь как вкопанная. По позвоночнику тут же пробегает холодный озноб. Дыхание перехватывает до невозможности сделать вдох. Буквально. Момент узнавания — мгновенный. Наши взгляды схлестываются, и волна паники прокатывает через мое тело.

Первый порыв — бежать, и я даже делаю шаг назад. А на его губах расплывается улыбка. Хищника. Который так долго гонял жертву, и наконец ее поймал. И мое молниеносное понимание, выстрелом в мозг, что капкан, пылившийся семь лет — захлопнулся. Клац.

Сглатываю подкативший к горлу ком. Кровь, смешанная с забористой дозой адреналина, вскипает в венах, нещадно увеличивая ритм моего сердца. Пульс зашкаливает до шума в ушах. Теперь я знаю, что чувствует мышь, угодившая в мышеловку.

— Лен, все нормально? Ты чего замерла? — спрашивает Аверина, отвлекаясь от разговора с Кириллом и подходя ближе ко мне.

— Да, всё нормально. Я сейчас. Отойду на минуту в уборную, — произношу, выдавливая из себя слова. Не дожидаясь ее реакции, разворачиваюсь, преодолеваю холл и небольшой коридор и нахожу уборную.

Оказавшись в туалете, включаю воду и, поставив сумочку у раковины, опираюсь руками о край столешницы. Тело бьет холодная дрожь. По жилам пульсирует страх до онемения в конечностях. Это надо же было так влипнуть! Влетела на полной скорости в кучу дерьма. С разбега. Надо было слушать интуицию и не появляться тут. Черт! Черт! Сбежать сейчас не вариант — это лишь усугубит ситуацию. Он все равно догонит. Теперь точно. Его взгляд — это уже гарантия, что я на крючке. С того самого мгновения, как переступила порог.

Набираю полные ладони холодной воды и плещу в лицо, пытаюсь хоть немного прийти в себя. Унять дрожь. Надо взять себя в руки и попытаться выкрутить ситуацию. Почти семь лет прошло, возможно, он уже остыл, и есть шанс договориться. Надо хотя бы попробовать и только потом паниковать.

Но стоит мне выйти за дверь, как меня тут же жестко дергают за руку и крепко сжав мою шею, прищипливают к стене. Гордеев нависает надо мной как нерушимая скала. За семь лет, что я его не видела, мне кажется, он стал еще больше. Высокий, широкоплечий, плотного телосложения; я рядом с ним даже себе самой казалась тонкой тростинкой, которую легко переломать.

— Ну, здравствуй, сука! — и его рука сильнее сжимает мое горло, а зеленые глаза ледяным взглядом вспарывают нутро, заставляя цепенеть.

— Здравствуйте, Тимур Алексеевич! — произношу сдавленно, давя растущую панику, и бесстрашно смотрю в его глаза. — Не скажу, что рада вас видеть.

— Я смотрю, осмелела, высунула нос. Какая прелесть, — едко цедит он, усмехаясь, и меня затапливает злость, дающая силы сопротивляться.

Дергаюсь, резко сбрасывая руку со своего горла.

— Я держала свое слово гребаные семь лет и собиралась держать дальше. Знала бы о вашем присутствии, не пришла бы. Это просто стечение обстоятельств, не более.

Он делает всего полшага, и я снова врезаюсь спиной в стену. Повисает пауза. Глаза в глаза. В его — насмешка, в моих — злость и страх. Гордеев цокает языком и обманчиво нежно проводит костяшками пальцев по моей щеке, отчего кожу пронзает ледяными иглами.

— Шикарное стечение обстоятельств, — рокот его голоса поднимает кортизол в моей крови до критической отметки, а его пальцы снова ложатся на мое горло жестким захватом. Он наклоняется, и аромат его парфюма обволакивает, проникая в мои легкие, дыхание обжигает кожу.

— Московская, 67, в девять часов утра. Завтра, — почти шепот, но своим подтекстом не обещающий ничего хорошего.

— Так давай прямо сейчас! Ты же мне пулю в лоб обещал подарить и в бетон закатать. Зачем же тратить время? Давай сегодня. Здесь. Твои друзья с бетоном помогут, вы же в одной стае, — в моих словах кипит неприкрытая злость и желание поставить точку в нашей непонятной истории здесь и сейчас, в эту самую секунду. Но он явно не разделяет моего стремления.

— Не придешь завтра — будет тебе и пуля, и бетон. Давай, Сумарокова, покажи, насколько ты смелая.

— Миронова.

— Поебать, — он отстраняется и убирает руку с моего горла, затем разворачивается, и я слышу, как звук его тяжелых шагов разносится по холлу. Я же с силой сжав веки, откидываю голову, упираясь затылком в стену, всё ещё ощущая давление его руки на своей шее. Теперь этот фантомный аркан со мной надолго, в этом я была уверена как никогда. Тру место захвата, словно пытаюсь стереть его следы. Болезненно и очень четко осознавая, насколько я попала. Ибо Гордеев не просто какой-то обиженный мужик — он мой работодатель. Бывший работодатель. У которого семь лет назад я увела три миллиона.

Глава 2

Когда ехала на встречу с Ингой, планировала, что ограничусь соком или минералкой, ибо крепкого не хотелось, поэтому и села за руль. Но сейчас, находясь за одним столом с Гордеевым, понимала, что минералкой я не обойдусь — тут необходимо что покрепче, и не одна бутылка, и то не факт, что поможет.

— Еще вина, Елена Владимировна? — на его губах улыбка, а в глазах обещание ада, и я сжимаю пальцами край салфетки.

— Цианистого калия, Тимур Алексеевич, под вашим взглядом самое оно, — его улыбка становится отчетливее и он, под предлогом наполнить мой бокал, склоняется ближе, разгоня мою кровь сильнее.

— Что ж ты так, милая, всегда торопишься на тот свет?

— В вашем присутствии о другом думать сложно.

— Ты вообще думать не умеешь, как показывает жизнь, — на языке крутится отборный поток ругательств, но я не произношу ни слова, лишь медленно втянув воздух, делаю глоток вина.

Он же явно чувствует себя расслабленным в компании присутствующих, даже скажу больше — он точно входит в ближний круг людей Колесникова. И я в который раз благодарю бога, что не пересеклась с ним на свадьбе Инги и Кирилла. Не знаю, где в то время находился сей экземпляр, но за его отсутствие тогда я от души благодарна высшим силам. А вот сейчас мой ангел-хранитель явно схалтурил. Не уберег. Снова тянусь к бокалу и кошусь на причину своего раздражения. Гордеев то и дело сыплет шутками, а у меня при звучании его голоса подсакивает давление и бросает в холод — две взаимоисключающие реакции, но в присутствии этого мужчины вполне закономерные.

— У тебя все хорошо? — который раз интересуется Аверина, и я на автомате киваю.

— Всё нормально. Голова просто сегодня раскалывается, — я выдавливаю из себя улыбку и прикладываюсь к бокалу, наблюдая, как в зал входит Шаулов в компании красивой женщины. Я внутренне выдыхаю, испытывая в этот момент к нему чувство истинной благодарности, ибо всё внимание Гордеева и остальных тут же переключается на Арая.

Его спутница оказывается довольно милой и интересной, она быстро находит общий язык со всеми и вполне органично вливается в компанию. Разговоры постепенно скатываются в рабочее русло, и я начинаю чувствовать себя если не лишней, то немного тупой. Нет, мне интересны темы, что обсуждаются за столом, но я давно уже не кручусь в таких кругах, и определенная часть разговоров остается для меня непонятна. Я всего лишь маленькая ИПэшница поэтому игры большого бизнеса мне по большей части чужды. А когда Зоя, так зовут спутницу Арая, начинает обсуждать с Авериной юридическую сторону вопроса, я и вовсе выпадаю из беседы. Сижу, медленно цежу вино, выжидая удобный момент, чтобы, сославшись на головную боль, сказать Инге, что уезжаю. Выдерживать пронизывающие взгляды Гордеева нет уже никаких сил. Мои нервы словно натянутые канаты — того и смотри зазвенят. Наконец, я выбираю момент и, сдержанно со всеми попрощавшись, выхожу в холл.

— Лен, набери мне, как будет время. Мне нужна твоя помощь, — произносит Инга, выходя вслед за мной, — с меня хорошая реклама твоих магазинов.

— Договорились. Позвоню на неделе, — отвечаю, выдавливая из себя улыбку, и Аверина снова скрывается за дверями вип-зала. Что ж, теперь, в виду изменившихся обстоятельств, ограничивать себя больше не имеет смысла.

Вышла на крыльцо и, подкуриив сигарету, глубоко затаилась, пытаюсь сбросить с себя долбанное напряжение, от которого уже искрились нервные окончания. Только достала телефон, чтобы вызвать такси, как услышала звук открывающейся двери и шаги. Знакомые шаги. Тут же

мысленно взмолилась, надеясь, что ошиблась. Чтобы всё это оказалось жестокой игрой моего разума. Но нет...

— Тебя отвезут, — прозвучало позади, и я, не оборачиваясь, на мгновение с силой сжала веки.

— Спасибо, Тимур Алексеевич, я сама справлюсь, — произнесла сквозь зубы, испытывая лишь одно желание, чтобы он оставил меня в покое, хотя бы на сегодня.

— С этого момента ты на каждый свой шаг будешь спрашивать разрешения. Поэтому слово «сама» можешь забыть, — он махнул рукой, и из припаркованного черного Лексуса вышел молодой мужчина и открыл заднюю дверь, приглашая меня сесть в машину. Закусила губу, дабы сдержать поток отборной брани, которая так и просилась наружу в этот момент.

Затушив сигарету, выбросила ее в урну и, одарив Гордеева не самым приятным взглядом, направилась к машине.

— До завтра, Елена Владимировна. Не опаздывайте, я не люблю ждать.

«Семь лет, сука, ждал и еще подождешь, не переломишься, чудовище ужасное», — моментально взбунтовался внутренний голос.

В ответ же я молчаливо вскинула руку с отогнутым средним пальцем и под его раздражающий смех села в машину.

И вот как мне с ним контактировать? Да я на успокоительных разорюсь.

Глава 3

Поднявшись в квартиру, сбросила туфли и одежду и пошла в душ. Хотелось смыть с себя этот чертов вечер. Вставая под теплые струи воды уже заранее знала, что это совершенно мне не поможет, ибо при одной мысли о том, что теперь меня ожидает, внутри мелкими взрывами фейерверков методично уничтожались мои нервные клетки.

После душа, осев на балконе в компании бутылки вина, я попыталась успокоиться и трезво осмыслить произошедшее, дабы хоть как-то спрогнозировать развитие ситуации. Но от своих жалких попыток спустя несколько минут самой захотелось в голос рассмеяться. Перед глазами флешбэками замелькали кадры из прошлого, кадры, которые преследовали меня все эти семь лет.

Я и он. Лето. Старая трасса.

- Все, что может придумать мужчина по отношению к женщине, — это сексуализированное насилие и унижение. Была бы я мужиком, просто бы отпиздил да отпустил. А вот если баба нагрела, да так, что ты вовремя не заметил, то ее, конечно же, надо уничтожить: как же — тебя, такого великого, телка какая-то обула, это же просто личное оскорбление. Да? — зло выплюнула в его сторону, едва сдерживая дрожь, что пробивала мое тело. От страха, казалось, сводило мышцы. Но я, понимая, что меня все равно убьют, шла до конца. Да, живой я отсюда не выйду, но и голову не склоню.

Гордеев сделал шаг ко мне, и я заставила себя остаться на месте, хотя инстинктивно хотелось отступить. Очень хотелось. Но отступить было некуда, за моей спиной, в двух шагах стоял и два амбала, что меня сюда приволокли. На старую трассу, подальше от города, и место это было выбрано явно не для мирных разговоров. Тут они могли со мной делать что угодно — ни одна живая душа не увидит.

— Была бы ты мужиком, я бы тебя в бетон закатал, и дело с концом, так что радуйся, что у тебя между ног члена нет. Хотя признаю, яйца у тебя стальные — так бесстрашно переть, когда тебе могут просто баиню снести. Так даже не каждый мужик себя вести станет. Отсутствует инстинкт самосохранения или просто ебанутая? Какой вариант верен?

— Оба, — произнесла, прямо смотря в его зеленые глаза.

— А это уже диагноз.

— Ты потрепать приехал или пулю мне в лоб пустить? Где лопата? Яму же саму заставишь копать. Давай не будем терять время.

Он, усмехаясь, покачал головой и сделал шаг ближе, нарушая мое личное пространство: между нашими лицами не больше двадцати сантиметров. Глаза в глаза, и я увидела, как зелень его глаз наполняется тьмой. Кожей чувствовала, что приговор уже им вынесен и осталось лишь его озвучить. Я ждала этого момента, и это ожидание было невыносимым.

— Зарвавшаяся девчонка, — сквозь зубы, но с ядовитым смешком, от которого, казалось, вспарываются вены. — Ты как крыса, которую зажали в угол, и теперь у нее единственный вариант — побольнее укусить. При этом понимаешь же, что сдохнуть можешь в любую секунду, — он впилился пальцами в мои скулы, до боли, заставляя скривиться. — Я ехал сюда с естественным желанием тебя закопать, но ты — везучая сука, я тебе скажу. Если бы мне не успели предоставить информацию, куда на самом деле ушли мои деньги ты бы заняла вон то место у березки. А теперь слушай меня внимательно. Появишься еще раз мне на глаза — отработаешь долг с процентами или ляжешь в бетон. Твой выбор. Расклад поняла?

— Да, — сле тело с моих губ раньше, чем смысл его слов дошел до моего мозга. От испытываемого страха мышцы казались свинцовыми.

— Результат тот же, если я узнаю, что ты работаешь на кого-то по профилю, — и я снова кивнула, ещё не веря в собственную удачу.

Он разжал пальцы и , жутко улыбнувшись, направился к машине, оставив меня в полном неверии в происходящее стоять на горячем асфальте старой трассы в одиночестве. Его амбалы тоже направились в свою тачку.

— Отцу — выздоровления, — раздалось в приоткрытое окно, и стекло поползло вверх, скрывая от меня человека, который мог запросто пустить мне пулю в лоб. Людей убивали и за меньшие суммы, а я отделалась так легко. Этот факт всё ещё не доходил до моего сознания. Совершенно. Такие люди не оставляют просто так, не отпускают с миром . Где-то был подвох.

Машины зашуршали колесами по раскаленному асфальту, оставляя меня одну.

Ярко светило солнце, припекая голову. Радостно щебетали птицы в лесополосе. Запах разнотравья проникал в легкие. А внутри меня царила мертвая ледяная пустошь, покрытая перманентным страхом. Прошлась холодными ладонями по лицу, совершенно не ощущая палящего солнца и , подняв голову, открыла глаза, смотря в бесконечно голубое небо, все ещё не веря, что я дышу, а ведь уже попрощалась с этой гребаной жизнью.

В тот день я видела Гордеева последний раз, но все семь лет его тень словно призрак следовала за мной, заставляя присматриваться к темным углам и вздрагивать от каждого шороха.

И вот я не знаю сейчас, что было бы лучше: смерть, тюрьма или семь лет постоянного страха, что он мне дал.

Глава 4

Утро. И, стоило мне открыть глаза, ужасающее осознание того, что мне пророчит этот день, прошило тело. Фраза: «день не задался с самого утра» сейчас заиграла новыми красками. Собиралась как на казнь в полной тишине, даже музыку не включала, хотя всегда это делала. Волосы убрала в низкий хвост, черная блуза, черные брюки и черные туфли-лодочки. Бросила взгляд на свое отражение в зеркале: реально как на похороны. Но для встречи с Гордеевым — самое оно.

Забрав машину от ресторана, направилась по адресу своего личного кошмара. А ведь когда-то, в первые дни моей работы на него, я даже немного была в него влюблена — неопытная восторженная дурочка. Гордеев тогда казался мне чуть ли не Аполлоном, этаким идеалом: высокий, сильный, симпатичный... Этот его взгляд зеленых глаз чуть с прищуром, прямой нос, по-мужски красивая линия губ. Да тогда практически все женщины в коллективе находились под его очарованием, и я не оказалась исключением. Многих останавливало лишь то, что он был женат. Но мои иллюзии разбились очень быстро, когда он заметил мои таланты и приблизил меня к себе. Тогда-то я и увидела, что за красивой оберткой кроется жесткая, расчетливая, циничная сволочь.

Доехав до места, долго сидела в машине на парковке, благо добралась я быстро, и в запасе было время настроиться на встречу. Внутри все клокотало от ярости — на него, на себя, на всю эту ситуацию. Да, я виновата! Ну так все можно было решить еще семь лет назад. Я бы уже срок отсидела за это время или могла бы все вернуть с процентами. Но нет, Гордеев с наслаждением садиста растянул все это на годы, чтобы жить боялась, чтобы оглядывалась на собственную тень.

Выбросив в окно недокуренную сигарету, вышла из машины и направилась ко входу в бизнес-центр.

Путь до его кабинета был как путь на эшафот, на котором уже ожидает палач, отбивающий радостную чечетку в предвкушении встречи, а девушка, провожающая меня, словно мрачный Харон, медленно плыла модельной походной по коридорам. Наконец, она остановилась у одной из дверей и, постучав, вошла, а через мгновение открыла дверь, пропуская меня и оставляя наедине с моим кошмаром.

— Доброе утро, — произнесла, выдавливая из себя слова. Все же необходимо быть вежливой и постараться сгладить углы. Вдруг поможет.

— Рад, что оно для тебя хорошее. Проходи, — Гордеев указал на стул у своего большого Т-образного стола. Невольно вздрогнула от звучания его голоса. Реально нервы уже ни к черту. Прошла до указанного места и опустилась на стул. — Ознакомься, — черная толстая папка с громким шлепком упала на столешницу передо мной. — Мне нужно навести в этом порядок и, плюс ко всему, провести анализ сегмента, рынка и отрасли. Аудит и полный контроль над всеми операциями.

— Тимур Алексеевич, — произнесла, переведя взгляд от папки, к которой даже не приоткрылась, на него. — Я, как вышла из вашего кабинета семь лет назад, больше не работала по профилю. Это раз. И часть озвученного выходит за рамки моей компетенции — такой объем выполняют обычно несколько человек, а то и целая команда. Это два.

— Хочешь сказать, потеряла хватку? — в голосе неприкрытая издевка.

— И хватку, и специализацию, и знания. Я обычная ИПэшница, шмотьем торгую и в игры большого бизнеса не лезу. Мы же с вами об этом договаривались?

— Не лей мне в уши. Бумажки берем и работаем. Ты талантливая девочка, справишься. Игорек в приемной, он теперь твой надсмотрщик. По всем возникающим вопросам — к нему.

— Гордеев, давай по-хорошему договоримся, без этих игр. Я отдам тебе все, что у меня есть. Это с лихвой покроет твои убытки. Отпишу все магазины, склады, квартиру, машину. Это гораздо больше, нежели та сумма, что я у тебя взяла, даже с учетом инфляции и процентов. И мы с тобой разойдемся в разные стороны, — пока я говорила, на его губах лишь появилась гадкая ухмылка.

— Взяла? — и он громко разразился издевательским смехом, заставляя меня скрежегать зубами. — Virtuозно ты нашла замену слову «спиздила». Милая, ты думаешь, у меня недвижки мало или мне именно твоих трех магазинов с тряпками не хватает?

— Тогда что тебе от меня надо? Унизить? Растоптать? Использовать? Хорошо. Давай устроим показательную порку. Сутки можешь юзать, как тебе заблагорассудится, трахать, как хочется, хочешь, отсосу тебе, зад вылижу. Но после я выйду от тебя, и ты больше никогда обо мне не вспомнишь. Я устала жить и оглядываться. Устала в каждом темном углу видеть твою тень.

Он встал со своего места, обошел стол. Остановился ровно за моей спиной, наклонился, уперев руки в подлокотники кресла.

— Что, никто не дает пососать, милая? — вкрадчивый, обманчиво нежный тон голоса тут же пробрался под кожу, до перехвата дыхания. Дыхания, уже протравленного запахом его парфюма. И я сжала похолодевшие пальцы в кулаки. Этот аромат навсегда в сознании будет ассоциироваться с моим личным кошмаром. — Не спеши так. Я дам. Насосеешься еще. А пока иди работай. — Гордеев выпрямился и ленивой походкой вернулся на свое место, а у меня от злости едва не закрипели зубы. — Магазины твоими Рамиль займется, чтобы ты не отвлеклась на лишнее. И да, три ляма за сутки даже для элитной шлюхи — это слишком много.

— Тимур Алексеевич... — начала я, но он тут же меня прервал.

— Пойми уже, у тебя лишь два варианта развития событий: тюрьма или работа на меня. Выбирай.

— Срок давности преступления уже давно истек.

— Уверена? Статья 78 УК РФ: срок давности — десять лет после совершения тяжкого преступления. А твой умышленный увод трех миллионов явно не тянет на обычное воровство. Как считаешь? Особо крупный размер, плюс использование служебного положения. Это 159-я или 160-я статья, до десяти лет лишения свободы, — и я нервно сглотнула. Не знаю, блефовал он или нет. Я не была настолько подкована в знании Уголовного кодекса. Но проверять уровень его информированности на практике мне очень не хотелось.

— Хоть раз сделай правильный выбор, Лена, — звучание собственного имени в его исполнении оказалось хлыстом с железным наконечником. Полоснул.

С полуминуты сражения взглядами, и я окончательно поняла, что он не уступит. Без шансов. Абсолютно. Скрипя зубами, поднялась с места и взяла в руки гребаные папки, признавая свое поражение.

Звук собственных каблучков прозвучал словно канонада, добивающая нелепую надежду на иной исход встречи.

— Чертов ублюдок, — процедила сквозь зубы, подходя к двери.

— Я все слышу, — тут же раздалось в спину, и я обернулась.

— Поздравляю, у тебя отличный слух.

— А у тебя все так же отсутствует чувство самосохранения, — прилетело мне в ответ, и я закрыла дверь от греха подальше, иначе точно не сдержалась бы и выцарапала ему глаза.

Глава 5

Гордеев — единственный человек, который вызывал во мне такие эмоции, которые никто и никогда не вызывал. Даже Миронов, мой бывший муженек, который блядовал как последний раз в жизни, не вызывал такого уровня злости и раздражения, который вызывал Гордеев.

— Елена Владимировна? — раздалось со стороны, и я подняла взгляд, обнаруживая довольно симпатичного мужчину лет тридцати пяти, поджарого, высокого, приятной внешности.

— Да.

— Меня зовут Игорь, — произнес он, и губы чуть дрогнули в улыбке, когда он увидел, как я едва заметно поморщилась. Наблюдательный какой.

— Мой надзиратель, значит. Приятно познакомиться. А отчество у вас есть? — спросила, ибо некрасиво, когда к тебе по имени-отчеству, а ты — нет. Тем более с незнакомым человеком.

— Можно просто Игорь, — ну «без» так «без», мне в принципе пофиг. — По всем возникающим вопросам вы можете обращаться ко мне, с проблемами тоже.

— Замечательно... И надсмотрщик, и помощник, и секретарша в одном лице. Скотская у тебя работа, и начальник — тоже. А тут еще и я на твою голову. Сочувствую.

— Спасибо. Хоть кто-то пожалел. Мне приятно, — он, приложив ладонь к своей груди, чуть склонил голову, не скрывая улыбки, и тут я поняла, что мы, возможно, даже сможем сработаться. — Пойдемте, я покажу вам ваш кабинет, — да ладно, мало того, что надзиратель довольно симпатичный и с чувством юмора, так еще и комфортное рабочее место выдадут? Хотя, возможно, с «комфортным» я поспешила. Гордеев мог и в кладовку без окон и воздуха меня засунуть, с него станется.

К моему удивлению, кабинет был далек от размеров кладовки, хотя и меньше кабинета Гордеева раза в три, но с панорамным окном, светлый и в современном дизайне. Мне даже понравилось.

— Код входа под клавиатурой, — кивнул в сторону компьютера Игорь, — советую запомнить, а шпартгалку уничтожить. — Тут документы, которые вам необходимо подписать. Договор об оказании услуг и о неразглашении. — Я села за стол и придвинула папку ближе. — Вам что-то необходимо в данный момент? — уточнил мой три в одном.

— Кофе, если можно.

— Какой? — уточнил надзиратель, и я удивленно распахнула глаза. Даже так? Вот это сервис. Обладал бы Гордеев таким же тактом, как его персонал, цены бы ему не было.

— Черный с сахаром, в большую чашку и стакан воды со льдом.

— Хорошо, — он вышел из кабинета, а я принялась изучать выданные мне бумаги.

Через минут десять в кабинет вернулся Игорь, а за ним вошла молодая девушка, одетая в строгую серую тройку, с подносом в руках. Игорек, кстати, тоже был в серых брюках. У них тут определенный дресс-код? Я явно выбивалась из коллектива в своем похоронном прикиде. Девушка поздоровалась и поставила чашку кофе и стакан с водой на мой стол.

— Благодарю, — произнесла я, и девушка, кивнув, тут же покинула кабинет. Игорь же занял место на диване в углу кабинета с ноутбуком на коленях.

— Это была Екатерина. Секретарь. Если меня вдруг не окажется поблизости, можете по мелочам обращаться к ней.

— Хорошо, спасибо за короткий гайд, — улыбнулась и, сделав глоток кофе, вернула внимание к документам.

Ознакомилась с тем, что мне вручил Гордеев. Вздрогнула. Я, конечно, понимала, что работы там на семерых, но, как оказалось, мое «много» и «много» Гордеева — это разное

«много». Начав разбирать все по первому предприятию в списке, я отчетливо поняла, что всем известный пушистый зверь пришел в мою жизнь явно основательно и надолго.

— Мне необходимы вот эти данные. В базе не нашла, — я положила исписанный мной лист на край стола. Игорь поднялся и, взяв его в руки, пробежал глазами по тексту.

— Это в архиве надо запрашивать, среди неоцифрованного. После обеда принесут, — добавил он и, взглянув на часы, вышел из кабинета. Не было его минут пять, видимо, давал указания.

К часу у меня начала закипать голова от объема информации и от страха ошибиться. Мало того что я давно не работала с подобным, так еще и половине приходилось обучаться в процессе, ибо за семь лет многое изменилось. А еще приходилось отвлекаться на телефонные звонки из магазинов, то от менеджеров, то от управляек, которые были, мягко говоря, сильно удивлены, что теперь ими руководит какой-то Рамиль Эльдарович, который беззастенчиво роется в документах и отдает распоряжения. Надеялась, что вечером сама сообщу персоналу об изменениях, но Гордеев решил не затягивать и сделать все одним днем.

На обед в местное кафе отправилась также в сопровождении Игоря. Благо он корректно сел за другой стол и дополнительно на нервы мне не действовал. Не удивлюсь, если он и в туалет со мной будет ходить. Жалко мужика, я б с таким начальством уже вздернулась.

А когда после перекуса я вернулась в кабинет, то застыла истуканом на месте. Весь мой стол и место вокруг него было завалено папками из архива.

— Твою ж мать, — сорвалось с губ, и позади раздался сдавленный смешок моего надсмотрщика. — Я надеюсь, это всё.

— Не уверен. Но не буду разбивать вашу надежду, — боже, какая прелесть — эта ванильная ирония! Интересно, а он женат? — последняя мысль тут же сменилась мрачным разочарованием: даже если холостой, времени на роман у меня все равно не будет, учитывая объем выданной работы.

— И на том спасибо, — ответила я и, глубоко вздохнув, села за стол с ярким желанием кому-нибудь понюхать о своем печальном положении гребаной золушки, которой поручили отделять горох от золы и пепла. Но нюхать было некому. Да и бессмысленно. Поэтому, попросив еще кофе, принялась за работу.

— Кто работает над оцифровкой архива?

— Сейчас никто. Уже полгода отдел кадров не может никого найти.

— Тогда вытаски отдел кадров из их насиженных кресел и посади за эту работу. Раз свою сделать не могут, пусть чужую делают. Зарплату не за просиженные штаны получают.

— Это распоряжение? — уточнил Игорь, вздернув бровь.

- Да. Мне еще не раз к этому всему возвращаться. Я не буду каждый раз перебирать эту пыльную макулатуру. И так уже чихаю.

Игорь вышел из кабинета, а я зарылась во все это с таким усердием, что пропустила ужин и даже не заметила, как надсмотрщик вернулся и занял свой пост на диване. Оторвалась я от бумаг, когда без стука распахнулась дверь кабинета, а на пороге появился Гордеев собственной персоной. И чего приперся? Скользнула взглядом по часам. Половина двенадцатого. Игорек позевывал на диване, уткнувшись в телефон. Но даже он встрепенулся при виде начальства. Гордеев повел головой в сторону, и мой три в одном послушно вышел за дверь.

— Похвальное рвение, Елена Владимировна. В первый же рабочий день взбудоражили два отдела: архив в напряжении, отдел кадров — с горящими жопами. Время — половина двенадцатого, а ты, как стахановец у станка, бьешь рекорды производительности.

— Вы зашли поболтать, Тимур Алексеевич?

— Зашел сказать, что водитель будет ждать тебя на подземном паркинге.

— Я на своей.

— Тогда сопровождают.

— Ты на контроле помешался? Или считаешь, что я настолько для тебя опасна?

— Не переоценивай себя, милая. На меня и бизнес сейчас идут непонятные нападki, и это лишь меры безопасности, — бросил он и вышел из кабинета.

От злости сжала зубы, глухо выругавшись под нос. Если бы не возможные последствия, я бы устроила горящие задницы не только отделу кадров, но и самому Гордееву.

Глава 6

Дождь хлестал по лобовому стеклу с такой же силой, с какой была реальность по моим нервам. А серые тучи нагоняли еще больше мрака в и так безрадостные дни. Выкрутил руль, поворачивая на проспект, держа курс на улицу Фрунзе, к ресту Колесникова; там меня ждал Кирилл, и я ехал с надеждой, что появились хоть какие-то новости по моему делу. Происходящее с каждым днем напрягало меня все больше. Кто-то с выверенной точностью бил по моим уязвимым местам, бил четко и уверенно. Только вычислить, кто это делает, я не мог, как ни старался. А еще, почему-то, как только в жизни наступал лютый пиздец, на горизонте появлялась Елена Владимировна собственной персоной. Это просто опознавательный знак, что пиздец точно пришел, и он — грандиозных масштабов. Тут даже к гадалке ходить не надо.

Когда увидел ее в ресторане, внутри что-то вздрогнуло, зазвенело: злость и радость одновременно взорвались в сознании, смешиваясь в грандиозный коктейль. Эта сука семь лет сидела тихо, как мышь в кладовой. Конечно же, я знал и о ее магазинах, и о ее дружбе с Авериной. Последнее меня до сих пор удивляло. Инга, у которой гипертрофировано чувство справедливости, и эта лживая сука — подруги. Чего только не бывает в жизни... На губах заиграла улыбка, стоило вспомнить ее вскинутый средний палец и взгляд серо-зеленых глаз, наполненный яростью. Что меня восхищало в этой женщине, несмотря на мою к ней неприязнь, так это характер и наглость. Только она могла увести котлету бабла, а потом еще и рычать на меня за то, что поймал. А еще восхищали ее мозги — вот перед ними и ее работоспособностью можно было склониться. Помню, в каком был приятном удивлении, когда взял ее на работу. За неделю она выполнила такой объем работы, который отдел из шести человек на месяц растягивал. За эти семь лет вспоминал я ее часто, но не трогал, хотя знал почти все: чем занимается, где живет, с кем сотрудничает. Обозначенную грань она не переходила, поэтому и наша встреча не требовалась.

Остановил машину на парковке, поближе к входу, и вышел под проливной дождь. Кирилл уже ждал меня в небольшом вип-зале, в котором мы обычно сидели, когда собирались расслабиться или обсудить какие-то дела, совмещая все это с ужином.

— Ты чего хмурый, как сегодняшняя туча над городом? — протянул руку для приветствия Кир, встав с дивана, и я, ответив на рукопожатие, опустился в кресло напротив.

— Да чертовщина какая-то происходит нездоровая, уже, что думать, не знаю, — провел рукой по волосам, кривясь от собственных мыслей. На прошлой неделе мои фуры с товаром угнали, а водителей и экспедиторов оставили на обочине связанных, и найти виновных не получается, как и сами машины.

— Что-то стало известно?

— Нет. Прикинь, нет, Кир. Я хрен знает что делать. Я уже все свои связи поднял, ментов шугаю уже как своих, а толку ноль. Как будто фуры в Бермудском треугольнике затерялись, а не были угнаны с трассы, где в минуту проезжают сотни автомобилей и камер понатыкано больше, чем у меня в офисе.

— Шаулова с Довлатовым дергал?

— Конечно. Результат тот же.

— Ну, это херово, Тим. Потому что мои люди тоже ничего не нашли, чему я несказанно удивился, а удивляюсь я редко. Значит, это чисто для тебя был сделан «подарок». Это не просто какие-то ушлепки, это конкретно по твою душу.

— Это я понял еще полгода назад, когда весь мой бизнес начали трясти госорганы проверки. Меня беспокоит динамика происходящего. Тот, кто это делает, не просто захотел подосрать. Иначе хватило бы рейдов пожарки по всем филиалам и предприятиям. А тут в меня методично тыкают палкой, при этом делают это нагло и с нарастающей силой.

— Вспоминай, с кем закусывался, и кто из них мог, — посоветовал Кирилл, как будто я этого не делал. Да я, блин, уже всех перебрал, даже тех, кому на ногу наступил и не извинился.

— Ни с кем, представь себе. Ни с кем. Последние года два — тишь да гладь. Все вопросы спокойно решал.

— А с Поповым? Помнишь, вы из-за тендера какого-то бодались.

— Это было пять лет назад. Вспомнил тоже. Да и там все нормально, потом порешали. Я вот на прошлой неделе с ним сидел, коньяк хлебали, дружно и мирно.

— Сейчас Арай подъедет. Может, ему что удалось нарыть.

Но Шаулову меня порадовать тоже было нечем, и мое и так паршивое настроение стало еще хуже.

Спустя час, попрощавшись со всеми, сел в машину, собираясь ехать домой и хотя бы немного поспать. Уже выехал на проспект, когда на телефоне высветился номер Рамиля.

— Слушаю.

— Цеха мебельного разгромили. Охрану вырубил. Камеры тоже, — прозвучало в трубке.

— Жди. Еду, — бросил в ответ и матерясь, ударил по тормозам. Развернув машину через двойную сплошную, втопил педаль газа в пол. Поспал, называется. Сука.

Глава 7

У въезда уже стояло четыре машины. Рамиль встречал у ворот. Мрачный и готовый огреть. Вышел из машины, бросая взгляд в сторону КПП, у которого на лавочке сидела пара едва живых охранников.

— Почему из охраны два с половиной землекопа? — от моего вопроса Рамиль еще больше помрачнел. Распоряжение ужесточить меры безопасности на всех объектах было дано еще неделю назад, и кто-то явно не утруждал себя работой, ибо это требование выполнено в срок не было. Сжал зубы от злости и прошел на территорию.

— Андрюха не успел поставить сюда больше людей, — тупое оправдание лишь подхлестнуло доведенное до пика раздражение.

— Где он? — мой вопрос, и взгляд Рамиля скользнул по экрану телефона.

— Паркуется. Две минуты.

Я, чувствуя, как внутри крошатся последние остовы спокойствия, отвел взгляд от входящих в себя охранников и, сдерживая рвущуюся наружу злость, повел головой в попытке сбросить бурлящую внутри ярость. Но когда прошел в цеха, злость поднялась с новой силой. Оглушительной. Все три цеха были разгромлены, причем крушили грамотно, только самое дорогостоящее оборудование. Тот, кто отдавал приказ, явно знал, что предприятие получило объемный заказ. Поэтому делали четко по заданному алгоритму. Мебель жива, как и дешевая техника, а вот станки стоимостью больше, чем трешка в столице — в хлам. Итого: убыток в шестизначные цифры и срок на восстановление производительности до полугода, и это при лучшем развитии событий, на что надеяться не приходилось. Лязг цепей, на которых еще держалось мое самообладание, казалось, грохотал в ушах. И звенья ломались одно за другим. Кровь бурлила в венах с такой силой, что горела кожа. Волна гнева, накрывающая сознание, в любую секунду грозила поглотить остатки самоконтроля.

Когда перед моим взглядом появился Андрюша, белый как лист офисной бумаги, уровень моей ярости был поднят до критической отметки. До плотной пелены, застилающей разум. Глаза в глаза. В его — пустота и страх, даже не раскаянье, просто страх нашкодившего пса. И остатки призрачного спокойствия взлетели на воздух, оседая пеплом у моих ног. Расслабились, суки, в своей цивилизованности. Привыкли, что за свои проебы только словесно и денежно огрывают. Меня сорвало. Впервые за очень долгое время. Хват давно опустевшего газового баллона, стоявшего в углу, и удар по твари, посмевавшейся выполнять свою работу спустя рукава. Один. Второй. Третий. Бил не глядя. Стон, хрипы, кровь и хруст выбитых зубов разнеслись эхом по цеху. Люди замерли. Все. Да, показательная казнь. Наглядная. Кровь отчаянно стучала в висках. Тормозить было тяжело, стоп-кран отчаянно срывало, этим и опасен выход за установленные рамки — вкусив своеобразную свободу, остановиться практически невозможно. Сцепил зубы и, откинув баллон в сторону, сжал кулаки, стараясь унять остервенелость, что уже окончательно застлала разум. Понимал, что еще пара минут, и я уже не смогу остановиться: кровь останется на моих руках навечно, отравляя своей вонью каждый прожитый день вплоть до смертного ложа. Замер, опустив руки, усилием воли возвращая контроль. Дыхание сбилось. Пульс зашкаливал. Тишина в цехе была мертвая.

Рамиль посмел подойти первым, молча подал влажные салфетки.

Вытер лицо и руки, окончательно возвращая себе подобие самообладания.

— Скосячишь еще раз — ты или те, кто под твоим контролем, сидеть дома будешь с переломанными ногами и кашу через трубочку жрать.

— Понял, — короткий ответ, за которым крылось гораздо больше, чем простое понимание. Ибо он знал, что стоит за этими словами.

— Навести тут максимальный порядок, ущерб посчитать до копейки, чтобы завтра к обеду все лежало на моем столе. Охране, что тут была, оплатить лечение и больничные. Сегодня же оцепить всю территорию, ужесточить меры безопасности на всех объектах, включая даже розничные магазины. И в этот раз назначь нормально человека, а не умственно отсталого, иначе последствия будешь лично выгрывать.

— Все будет сделано. С этим что? — он кивнул на Андрея, который лежал на бетонном полу, тихо постанывая.

— В больничку отвези. Что там сказать, сам реши, меня это не должно касаться.

— Понял.

— В магазинах Мироновой сильно напряжно?

— Там все в идеале, работает как часы. Необходимость руководства минимальная.

— Взять на себя объем работы, что лежал на этом долбоебе, сможешь?

— Конечно.

— Тогда, как в себя придет, пусть передаст тебе все.

— Решим.

— Отзвонишься, отчитаешься.

— Понял, — кивнул Рамиль, и я, выйдя из цеха, направился к своей машине. Домой ехал с надеждой, что за эту ночь больше ничего не случится.

Глава 8

Весь путь домой мечтала только об одном: добраться до кровати, завернуться в одеяло, зарыться в подушки и забыть этот день как страшный сон. Но, стоило мне выйти из душа, как внезапно раздался звонок в дверь. На часах первый час ночи, в такое время в гости не ходят, а если приходят, то с недобрыми намерениями. Как человек, живущий один, я основательно так напряглась. Набросив махровый халат, подошла к двери и посмотрела в глазок. И от души выматерилась. Миронов, мать его.

— Чего тебе? — произнесла, открыв дверь, смотря в осунувшееся лицо бывшего.

— Можно, я у тебя переночую? Меня Верка выгнала.

— Миронов, если ты не забыл, я тебя тоже выгнала, еще четыре года назад, какого хрена ты все еще ко мне таскаешься?

— Ну не чужие ведь.пустишь?

— Не пущу. Гостиницы и хостелы круглосуточно в твоём распоряжении, — разговаривать с ним не было никакого желания. После общения с Гордеевым на мир смотреть не хотелось, не то, что с бывшим беседы вести.

Да и вообще, давно пора было поставить точку в этой истории, еще в тот момент, когда получила свидетельство о разводе. Но, то ли от внутреннего одиночества и желания ощущать что-то близкое и родное в минуты душевной слабости, то ли от хронической дурости, Миронов стабильно пару раз в год оказывался в моей постели. И каждый раз после этого я посыпала свою голову пеплом и давала себе клятвы, что этого больше не повторится.

— Ну, Лен... На одну ночь, — отчего-то именно сегодня нытье Миронова взбесило сильнее, чем обычно.

— Нет, — ответила твердо. — Денег дать на гостиницу?

— У меня есть.

— Замечательно. Тогда хорошей тебе ночи, Кость, — захлопнула дверь и, щелкнув замком, отправилась спать. Хватит мне на сегодня общения с прошлым и его представителями, сыта по горло.

Утро было еще более безрадостным, чем предыдущее, ибо я уже знала, что меня ждет. И оно стало еще хуже, когда вместе со мной в лифт вошел Тимур Алексеевич. Только его с утра не хватало.

— Ты бы видела, как твое милое личико перекашивается при виде меня. Это не может не вызывать умиления, — откровенная насмешка в голосе ударила хлыстом по моему эго.

— Это нормальная реакция на тебя, — ответила, смотря перед собой и ощущая, как сгущается атмосфера в кабине лифта, делая напряжение между нами совершенно невыносимым.

— Странно, деньги у меня увела ты, а чувство вины пытаешься культивировать у меня, — его тихий смех раздражал настолько, что я невольно сжала пальцы в кулаки, молясь, чтобы этот гребаный лифт двигался быстрее.

— Я предлагала тебе все вернуть с лихвой, ты отказался. Что мне еще сделать? На колени, может, перед тобой упасть и слезно вымаливать прощение? — сделала шаг назад, прижимаясь спиной к хромированным поручням, дабы максимально отодвинуться от причины моего раздражения. Но это не помогло. Он развернулся и подошел ближе, отчего дыхание тут же сбилось. Снова этот обволакивающий аромат парфюма, который теперь навсегда будет ассоциироваться только с Гордеевым.

— Да успеешь ты еще на коленях постоять, не спеши так. И помни, про правило трех свиданий: быстрее только бляди дают. Взрослая вроде девочка, а такие базовые вещи не знаешь, — мое желание размозжить его башку с каждой секундой становилось все более непреодолимым.

— Гордеев, столкнуться с тобой с самого утра — это уже плохой знак, у меня уже настроение вывесило белый флаг.

— Ну, хоть не пиратский и то хорошо, — на губах кривая усмешка, глаза в глаза, снова одним взглядом вышибая воздух из моих легких. — Это взаимно, Елена Владимировна. Как только ты появляешься в моей жизни, в ней начинается какой-то неконтролируемый апокалипсис, причем по нарастающей, и, что самое паршивое, что ты совершенно не являешься его причиной. Хотя, может, я ошибаюсь? И ты — тот самый доктор Зло, — он сделал еще полшага и теперь нависал надо мной, заставляя вжиматься в поручень. Ведь знает, сука, что я его боюсь, и пользуется этим.

— Или твоё проклятье, — усилием воли заставляла держать себя уверенно и смотреть ему в глаза.

— Как обезвредить?

— Шанс у тебя был семь лет назад, ты его упустил.

— Какая жалость. Еще чуть-чуть и я искренне начну переживать по этому поводу. А ты всегда ходишь на работу с таким декольте? — и его взгляд скользнул по вырезу моей блузы, моментально вызывая табун противных мурашек тут же промчавшихся по всему телу.

— А у тебя с моим декольте какая-то проблема? — вскинулась. — Или у вас по дресс-коду не положено?

— Смотри, как бы моя проблема не стала твоей бедой. Не усложняй себе жизнь, Лен, — негромко, пробирающе и неотрывно смотря в мои глаза. Закладывая этим такое обещание, от которого захотелось нервно сглотнуть и срочно начать искать политическое убежище в другой стране. Звук открывающихся створок лифта освободил меня от необходимости отвечать. Гордеев, сверкнув своей обворожительной улыбкой, вышел, оставляя меня плевать ядом в одиночестве. Сука. Да, усложнила я себе жизнь в тот момент, когда пошла к нему работать после института. Максимально фатальное для меня решение. Хуже уже, по-моему, быть не может.

Как же я ошибалась в этот момент...

Глава 9

К обеду Игорь сообщил, что начальство зовет нас на совещание. А я только начала радоваться, что не увижу рожу Гордеева хотя бы добрую половину дня. Что ж мне так не везет?

В кабинете были одни мужчины, как я поняла — основная команда, приближенные управленцы, которые рулили разными секторами бизнеса Тимура Алексеевича.

Каждому из них были заданы четкие вопросы, и все как один отвечали отвечали строго по делу. Сразу видно — не один год дрессуры.

Отчеты о проделанной работе, документы, короткие переговоры. И все вроде идеально, насколько я могла оценить из услышанного, но Гордеев, то и дело кривился и пропесочивал каждого второго. Не с той ноги встал? Или у него не встал и он расстроился? Столько вопросов и ни одного ответа.

Я еще помнила, как проходили совещания раньше. Тимур Алексеевич, конечно, со всех всегда жестко спрашивал, но никогда не повышал голоса. Да и ему не требовалось. Всего один фирменный взгляд и ты физически чувствовал, как твою душу вдальбливают тебе в пятки. Поэтому сегодняшней разбор полетов вызывал во мне как минимум недоумение.

— Что у нас с проектом новой гостиницы и землей на Баумана? — Гордеев бросил взгляд на документы и тут же перевел его на темноволосого мужчину. В его голосе снова тень едва скрываемого раздражения и ментальный нажим.

— Проект полностью готов, ждем вашу отмашку, чтоб приступить к закупке материалов и первому этапу строительства.

— Я спросил, что с землей? Что за сплетни по городу расползаются, что мне за этот кусок статья светит? — тон голоса выше, фантомный свист кнута с металлическим наконечником над сидящими, и в кабинете повисла мертвая тишина. Неуютно стало всем. Атмосфера в момент максимально пропиталась раздражением и напряжением, даже я нервно сглотнула.

— Я не в курсе сплетен, поэтому ответить на ваш вопрос не могу, — на остатках былой уверенности произнес мужчина, и его пальцы дрогнули. Мужик, держись, ты не один, мы тут все как на мешке с тротилом сидим.

— Тогда что ты делал всю неделю? Задницей кресло просиживал? Или бесполезную макулатуру для меня готовил? — нервно сглотнули все. Гордеев же пренебрежительно отбросил папку на край стола, взглядом обещая всем сидящим тут жесткую порку без права на стоп-слово

— Я узнаю и доложу в ближайшие дни.

— Сутки.

— Понял.

Когда всех, наконец, распустили и мужчины начали подниматься со своих мест, я снова заметила, как Гордеев морщится, потянувшись за бумагами. Настолько все плохо? Или была другая причина?

После совещания настроение начальства не улучшилось, скорее наоборот — Тимур Алексеевич сегодня рычал на всех, и к вечеру добрая часть сотрудников нервно поглядывала на часы в ожидании, когда же этот день закончится. И какая вожака ему под хвост попала? Он и так невыносимый, а тут прямо с цепи сорвался.

— Он всегда такой дерганый? — спросила у Игоря, который снова занял место на диване с ноутбуком в руках.

— Нет. Обычно спокойный. Просто сейчас проблемы по всем фронтам.

— Я заметила, как он при каждом движении кривится и даже со стула не встает. Что-то со спиной? — задала вопрос, понимая, что надсмотрщик может и не ответить.

— Старая травма. Плюс вчера, пока одному тупому газовым баллоном прописные истины объяснял, спину потянул. Прихватило, в общем, — а вот это уже объясняло многое. Я тоже зверею, когда что-то болит. Неожиданно, но даже понять его могу.

— Ясно, — уточнять, кому именно и за какие грехи прилетело газовым баллоном от всегда спокойного Гордеева, я не стала. Не моя зона ответственности, и совать свой нос в такие нюансы я не намерена. Меньше знаешь — крепче спишь — так всегда говорил отец. Иногда дефицит информации спасает жизнь.

Было около семи, когда я вышла из кабинета с целью пойти перехватить бутерброд в кафе, как на весь коридор снова раздался злобный рык Гордеева. От его ора даже я вздрогнула. И ведь никто не рискнет этому чудовищу принести тюбик обезболивающей мази. Посоветовать, что ли, его секретарше? Чем черт не шутит, вдруг поможет.

Порой мне кажется, что чувства сострадания во мне больше, чем трезвой рассудительности. И к добру меня это не приведет. Еще чуть-чуть, и я соглашусь с Гордеевым, что у меня напрочь отсутствует инстинкт самосохранения. Потому что вместо того чтобы отправиться в кафе, я спустилась на первый этаж и купила в аптеке обезболивающую мазь и с целью передать Гордееву это волшебное зелье через секретаря. Но стоило войти в приемную, как снова послышался рык Тимура Алексеевича, и девушка за столом вздрогнула вместе со мной. Положила купленное ей на стол и жестами и шепотом объяснила суть проблемы и ее решение. Но она, сделав огромные глаза, замахала руками, словно я ей предложила не мазь начальству отнести, а человека пристрелить.

— Я туда не пойду. Я его боюсь, — прошептала она, чуть склоняясь над столом.

Да блин. Ну, покажите мне хоть кого-то, кто это чудовище не боится, особенно сегодня. Удивила тоже.

Глубоко вздохнув и перекрестившись на всякий случай, сгребла мазь со стола и пошла к двери Гордеева. А жизнь с каждым днем все удивительнее — вот даже чудовище лечить приходится, а то он в таком настроении и невинных сожрать может. А меня не жалко. На что только не пойдешь ради всеобщего блага.

— Тебе чего? — прилетело сразу, стоило войти, таким тоном, что даже у меня рука дрогнула, когда закрывала дверь. Я, если что, тоже его боялась, и не как остальные. Я реально знала, на что он способен, и боялась соответственно своему знанию. Старая трасса, амбалы с оружием и березки вдалеке, земля под которыми рискует стать моим последним пристанищем. Воспоминания еще живы и повторения мне не хочется.

— Спину твою лечить пришла. А то ты скоро всех распугаешь своим рычанием, — произнесла, осознавая, что у нас с ним на данный момент сформировались странные отношения в плане обращения друг к другу, от строгого официального обращения на «вы» мы быстро переходили на «ты», а то и смешивали оба варианта, приправляя их сарказмом.

— Сама пройдет. Свободна, мать Тереза, — все так же, не поднимая головы от бумаг. Я снова глубоко вздохнув, мысленно перекрестилась, ибо сейчас точно огребу.

— Хрен вам. Раздевайтесь, Тимур Алексеевич, — сделала пару шагов к его столу, давая понять, что настроена я серьезно. Наконец его взгляд с удивлением и проблеском интереса скользнул по мне. Морщась, медленно откинулся на спинку кресла.

— Ну, если хотела увидеть меня голышом, так бы и сказала. Но прости, я сегодня не в форме. Давай в другой раз.

Как же он меня бесит. На мгновение закатила глаза. Просто не удержалась. В такие моменты раздражение перевешивает страх, и меня несет. Что и произошло.

— Гордеев, там секретарь твой сидит, бледная как стена и испуганная как тойтерьер, трясется, кстати, так же. Еще чуть-чуть, и сотрудники за святой водой и успокоительными побегут. Побереги людей, снимай эту чертову рубашку и дай я натру тебе спину обезболом, пока ты, чудовище, не загнулся совсем, а то некому же будет всяких недалеких баллонами

бить. Я подобное не потяну и, судя по твоим щуплым помощникам, они тоже не справятся, — выпалила на одном дыхании последние аргументы. Если и это не сработает, то придется уносить ноги.

— Кто про баллон проболтался? — в уголках его губ появился намек на улыбку, и он все же начал расстегивать рубашку. А я шумно выдохнула. Это была моя первая победа в спорах с Тимуром Алексеевичем. Хоть шампанское открывай.

— Не знаю, я сплетни в коридорах подслушала, — произнесла, доставая тюбик из коробки, и всеми силами пытаюсь не сдать Игорька, а то еще и ему баллоном прилетит, а мне мой надсмотрщик пока нравится.

С кресла он поднялся с трудом, у меня даже сочувствие к нему проснулось. На долю секунды. А это уже из разряда фантастики. Он лег на диван. А я присела с краю.

— Утром тебя так не скручивало.

— А утром так и не болело.

Открыла тюбик, выдавливая мазь себе на ладонь, и только в этот момент осознала, что мне надо будет к нему прикоснуться. Руки задрожали. Нет, конечно же, я не боялась обнаженных мужчин, но Гордеев и так внушал страх, а тут — прямой физический контакт. Но делать было нечего, сама подписалась, а инициатива всегда наказуема, об этом стоило помнить. Я осторожно начала втирать мазь, почти сразу ощущая, как по собственному телу разливаются непонятные импульсы, путая мысли и сбивая и так неровное от волнения дыхание.

— Плечо правое натри, — подал голос мой невольный пациент.

Когда все было сделано, я поднялась с дивана и взяла из дозатора, стоящего на тумбе, пару салфеток, чтобы вытереть руки.

— Тут еще пластырь есть. Если мазь не поможет, его приклей, ну или на ночь, — кивнула в сторону пакета на краю стола, собираясь как можно быстрее уносить ноги из логова этого дракона. Спасательная миссия выполнена, пора давать по газам. Но я не успела.

— Со мной поедешь, — внезапно раздалось, когда я была уже в шаге от двери. А свобода была так близка.

Обернулась, снова вздрогнув от его голоса. Все же мне срочно надо записаться к неврологу — это ненормальная реакция.

— Куда?

— На встречу с Григорьевым.

— Что от меня требуется?

— Сидеть, молчать, если будет необходимость, анализировать сказанное, делать заметки и расчеты. Что-то слишком много вопросов, Елена Владимировна.

Ну вот. Вот так и делай добрые дела. Сидела бы да сидела, в бумажках ковырялась, и никому бы в голову не взбрело меня куда-то тащить. Дернул же черт идти причинять добро. Наказуемо это дело. Когда уже до меня дойдет?

Глава 10

На подземном паркинге нас уже ждали подготовленная машина и охрана. Но за руль Гордеев сел сам, своих орлов отправил в машину сопровождения. Чем снова меня удивил. Четверть часа назад шевелиться не мог, а тут — за руль. Мог и кого-нибудь из парней посадить. Интересно, он всегда с охраной передвигается или это те самые меры безопасности, о которых он говорил? Если второе, то его проблемы явно вышли за рамки обычных.

Честно ожидала, что, окажись мы наедине, он снова начнет меня прессовать или практиковаться в сарказме, но он молчал, я тоже. Не хотела провоцировать. У меня на него и так странная реакция: стоит ему оказаться рядом, как чувство неуверенности вырастает до громадных размеров, а нервная система бьет в набат. Поэтому старалась на него даже не смотреть. Машину он вел спокойно и уверенно, без каких-либо взбрыков и агрессии, чем грешат многие мужчины. Перед глазами сразу возник образ Миронова, который каждый раз, сидя на месте водителя, извергал из себя неиссякаемые потоки русского матерного, считая всех тупыми баранами, оленями и прочими парнокопытными, — этакая возможность самоутверждения для закомплексованного мужичонки в бытовых реалиях. Меня это всегда раздражало: прямо рука чесалась отвесить подзатылину. Тут же я наблюдала абсолютное спокойствие и расслабленность, даже на нагло втиснувшегося перед нами без включения поворотника «китайца» он никак не отреагировал. Мне бы познать такой дзен. Где такие навыки прокачивают? Дайте адресок. И это после того, как всем мозг чайной ложкой выел за день.

— Спину отпустило? — я нарушила молчание в момент, когда он парковал машину у ресторана.

— Да, легче. Спасибо, — мои брови взметнулись вверх, но больше удивления я никак не показала. Заметил. — Что за реакция, Елена Владимировна? Я умею быть благодарным в отличие от вас, — режим «звезда сарказма» активирован, значит, точно отлегло, заключила я, сжав зубы.

За столиком нас уже ждал Григорьев. Обычное социальное расшаркивание друг перед другом, поверхностное обсуждение ситуации на рынке, и, когда нам уже принесли кофе, Григорьев перешел к главному, к тому, зачем он вообще явился на эту встречу.

— Тимур Алексеевич, я же не просто так вас прошу о заморозке проекта. Разговоры разные по городу сейчас ходят с упоминанием вашего имени. Мне лишние проблемы не нужны. Поймите, я не отказываюсь от сотрудничества, но давайте, вы решите все ваши проблемы, пыль, как говорится, осядет, и мы с вами продолжим, — произнес Григорьев. Гордеев же даже не бровью не повел, словно ожидал это услышать. На лице — непроницаемая маска, лишь взгляд стал чуть острее.

— Позиция мне твоя понятна, Натан Леонидович, — он отхлебнул кофе и отставил чашку в сторону.

— Без обид. Я только со своими вопросами раскидался и не хочу, чтоб меня в чужие засосало.

— Да какие могут быть обиды. Прекрасно все понимаю, — обид, возможно, у Гордеева действительно не было, а вот вопросов к происходящему стало еще больше, это ощущалось кожей, как и его напряжение.

— Я даже попробовал прощупать почву, понять, откуда ветер дует, но ничего не нашел. Хотя у меня четкое ощущение, что твои проблемы не системные, а с чьей-то подачи, — продолжил Григорьев, словно оправдываясь за свой отказ в сотрудничестве и пытаясь загладить вину.

— И я не нашел, хотя, кажется, уже землю носом рою.

— Мог бы помочь — помог, но тут извини, Тимур Алексеевич.

Я сидела, слушала их разговоры, анализируя и складывая информацию с тем, что мне уже было известно, и в голове постепенно собирался пазл происходящего вокруг Гордеева. Ситуация, конечно, дерьмовая. И вмешиваться в нее — это добровольно взвалить на себя кучу неприятностей. Но мой внутренний спасатель уже размахивал руками и вопил во все горло: «ну давай, ну мы можем помочь! Да, ты ненавидишь Гордеева: он — циничная тварь и сволочь. Но и ты не идеал. Ты виновата перед ним. Ты у него деньги увела, а значит, обязана искупить вину, какой бы сволочью он ни был». Чертова совесть и синдром спасателя, заглушающие трезвый голос разума.

Григорьев, попросившись, нас покинул, а я, сделав глоток кофе, снова решила причинить добро. Вот ничему меня жизнь не учит. И когда уже дойдет?

— У меня есть знакомый в градостроительстве, бывший однокурсник. Могу попросить узнать все, что касается земельного участка на Баумана.

Под взглядом Гордеева тут же захотелось сжаться в комок и закатиться куда-нибудь в темный угол. Ощущение такое, словно твою душонку вспарывают, разделяют, придирчиво рассматривают каждый кусок и ни от одного не в восторге.

Пауза. Глоток кофе, и он, отставив чашку, снова перевел взгляд на меня.

— Твоя задача, Елена Владимировна, выполнить идеально свою работу в том ареале, который тебе доверили, и не лезть в другие вопросы. — Я открыла было рот, чтобы возразить, но он продолжил, не давая мне ничего сказать. — Разговор слышала? Сделай выводы, сиди тихо и молись, чтобы не задело, а остальное я сам буду разгребать.

И в целом я была даже согласна с Гордеевым; особенно с ним была согласна моя разумная и расчётливая часть — хороший совет, так бы и сделала, вот только меня задело...

Глава 11

Выйдя утром из подъезда, я не обнаружила своей машины. Даже двор обошла — вдруг у меня уже крыша сошла с орбиты от работы с Гордеевым, и я забыла, где припарковалась. Но моей белой Ауди нигде не было. И мысли в этот момент меня посетили безрадостные. А перспектива ехать писать заявление об угоне и вовсе вгоняла в уныние. Но для начала следовало набрать номер начальства и сообщить, что на рабочем месте я неизвестно когда появлюсь: как бы Гордеев еще какие санкции не применил за прогулы.

— Доброе утро, Тимур Алексеевич! Вы мою машину куда не перегоняли? — произнесла, как только мой личный кошмар поднял трубку. Не, ну а вдруг. Сейчас я бы даже была рада услышать новость о том, что тачка в плену у Гордеева, и неважно, какие будут оправдания сему поступку, — все лучше, чем с ментами тусить.

— Нет. Что за тупой вопрос в восемь утра?

— Ну, тогда извините, но на работу я опоздаю, у меня машину угнали.

— Ты где? — всего два слова, но произнесенные таким тоном, что по мне тут же прокатилась волна необоснованного страха. Умеет он вкладывать ужасающие подтексты в обыденные фразы.

— У своего дома.

— Поднимись в квартиру. Закройся и никуда не выходи до моего приезда. Ментам не звони. Поняла?

— Да, — произнесла, не совсем понимая, зачем такие меры.

— Меня жди.

— Я поняла, — ответила с нажимом и, услышав в трубке короткие гудки, быстрым шагом направилась обратно в подъезд. Добрейшее утречко, ничего не скажешь.

Неприятное чувство противно кольнуло в районе солнечного сплетения, как только Миронова сообщила об угоне машины, и нехорошо так кольнуло. Сбросив вызов Лены, сразу набрал номер Игоря.

— У Елены Владимировны угнали тачку, подними сбшников, пусть шерстят, ментам пока не трезвонь, — произнес, глотнув кофе и отставляя в сторону опустевшую тарелку после завтрака.

— Есть причины думать, что неспроста?

— Не нравятся мне эти совпадения. Вчера засветился с ней в ресторане на встрече с Григорьевым, а сегодня уже и на нее неприятности посыпались.

— Как что-то получится узнать отзвонюсь.

Сбросив вызов, опустошил чашку с остатками кофе. Мне жутко не нравилась динамика происходящего. Такими темпами скоро на свою тень оглядываться начну или просто головы сносить без разбора. Ощущение, что внутреннего контроля во мне осталось три последние капли, настойчиво подталкивало меня к краю, переступив который, я начну уничтожать все на своем пути. Через подобное я уже проходил и возвращаться туда не желал — слишком высокая цена у такой свободы.

Когда водитель остановился возле дома Мироновой, я бросил взгляд по углам здания, заметив пару камер: уже неплохо. Если бы она жила в какой-нибудь панельной хрущевке, было бы сложнее — там никаких камер зачастую по умолчанию нет.

— Денис и Егор со мной, — произнес, выходя из машины. Надежда, что угон ее тачки — просто совпадение, во мне еще теплилась, но с каждой минутой все меньше.

— Где машину парковала? — спросил, сбрасывая обувь и проходя в гостиную.

— Напротив дома, где въезд в подземный паркинг. Когда я вернулась домой вчера, возле него работали ремонтные бригады, въезд был перегорожен их машинами, поэтому ждать не стала и припарковала машину на улице, на свободное место.

— Из окна это место видно?

— Да, — Лена тут же подошла к окну и отодвинула штору, — возле уличного фонаря, рядом с черным Ниссаном. Видишь, место свободное.

Взглянул в окно и повернулся к парням:

— Денис, проверьте камеры и копию записи возьмите, если она есть, — бывает, что вместо камер висят муляжи, чисто для вида. Дом хоть и с огороженной территорией и подземным паркингом, но среднего сегмента, поэтому сюрпризы могут быть любые.

— Хорошо, — кивнул тот и пошел на выход, а я сразу перевел взгляд на Миронову.

— Ты едешь со мной в офис и без сопровождения никуда не дергаешься.

— Все настолько серьезно? — она чуть нахмурилась.

— Надеюсь, что нет, но в последнее время мои надежды не оправдываются.

Ожидал, что Миронова взбрыкнет и мне снова придется ее осаживать, но капля здравого смысла все же в ней присутствовала. Ни истерик, ни прочих эмоциональных концертов не последовало. Через полчаса мы уже были в бизнес-центре на Московской.

— По городу передвигаешься под присмотром своей няньки. Обо всем подозрительном докладываешь.

— Я поняла, — прозвучало в ответ максимально спокойно, второй раз за сегодняшнее утро вызывая моё удивление. Двери лифта открылись, и мы вошли в кабину.

— Семь лет не прошли для тебя даром, у тебя все же появились мозги, — не удержался от издевки.

— Если это была попытка сделать комплимент, то она провалилась. Как бы я ни хотела выцарапать тебе глаза, но в период, когда вокруг творится непонятно что, воплощать свои желания в реальность я не намерена.

— Упускаешь момент, Елена Владимировна. Могла бы встать на сторону моих недоброжелателей и добавить мне седин. Что это? Так популяризированная осознанность или проявление сострадания?

— Человечность, Тимур Алексеевич, и трезвая рассудительность, — створки лифта разомкнулись. — Добивать толпой лежачего — не мой стиль, — и она вышла, звонко цокая каблуками по мраморному полу. Сука. Лежачего, блядь. Да забутся укладывать.

А через два часа позвонил Рамиль.

— Запись с камер отсмотрели, — прозвучало в трубке.

— Есть что-то интересное?

— Камеры работали до пяти утра, машина была на месте, а потом произошел сбой продолжительностью около десяти минут. После восстановления сигнала на записи машины уже нет.

— Есть зацепки? — спросил без особой надежды, уже понимая, что угон машины Мироновой не случайность. Только логику этих ушлепков я понять никак не мог. Ладно, по мне били, но она каким боком им помешала? Вопросов с каждым днем становилось все больше, а незнание того, кто за этим всем стоит, травмило разум.

— Есть. Ищем.

— Жду.

Весь день разбирался с ущербом на мебельном производстве. Больше всего пострадали форматно-раскроечные и кромкооблицовочные станки с функцией полировки и шлифовки, а также недавно купленные сверлильно-присадочные станки высокой производительности. Один самый дешевый кромкооблицовочный стоил почти миллион. Смотрел в бумаги, и руки сами в кулаки сжимались.

На часах было почти пять, когда на экране телефона снова высветился номер Рамиля. Принял вызов.

— Тимур Алексеевич, мы нашли машину. На пустыре за городом. Но есть одна проблема, — впервые за все время его работы я услышал в голосе Алимова тень замешательства.

— Какая?

— Не телефонный разговор, — и он прокашлялся, заполняя повисшую паузу. — Вам лучше приехать, — я даже предполагать не хотел, что это за такая проблема и какого она масштаба, что он просит меня лично присутствовать.

— Геолокацию скинь.

Пока ехал на место, мой мозг сгенерировал больше десятка различных вариантов того, что там могло меня ждать. Но ни один из них по уровню пиздеца не оказался верен.

— Там труп в багажнике, — произнес Рамиль, стоило мне выйти из машины. Да твою ж...

Глава 12

Слова Алимова взорвались в сознании как шальная фугасная граната. Адреналин и ярость тут же заструились по венам вперемишку с кровью, и я невидящим взглядом уставился на Рамиля.

— Это шутка такая?

— Нет. К сожалению, — ответил он ровно и спокойно, а у меня внутри взорвался огненный шторм, сносящий последние остатки внутренних стен. Кто бы за всем этим ни стоял, он явно переходил все существующие границы. — Парням запретил к тачке соваться. Вас ждали, — я готов был взвыть от кипевшей внутри злости и вопросов, которые долбили по мозгам, словно пудовый молот: кто эта тварь? Кто так грязно играет? И по какой причине?

Провел ладонью по волосам и выругался сквозь зубы. В голове потоком возможные варианты решения и ни одного без последствий для меня и не только. Миронова, конечно, алчная сука, но ее грехи не настолько тяжелые, чтобы ее реально за решетку бросать, тем более за убийство, которого она явно не совершала. Все происходящее казалось мне каким-то сюрреалистическим бредом сумасшедшего.

— Если вызовем ментов, тут такой цирк начнется – вздохнул Рамиль.

— Решение? — произнес, неотрывно смотря на белую Ауди, одиноко стоящую на пустыре среди зеленого разнотравья в лучах заходящего солнца.

— Надо номера с движка снести и вообще все, по чему можно опознать машину. Все остальное отвезем на станцию, там под пресс и в котлован под бетон.

— И как ты это собрался сделать без свидетелей? — перевел взгляд на Алимова, едва балансируя на остатках внутреннего спокойствия.

— А у вас другие предложения есть? — а тут он был прав, предложений у меня не было.

— Обыщите машину, вдруг какие-то документы или еще какие сюрпризы имеются. Потом звони людям Шаулова и убирайте тут все максимально тихо. Авось пронесет. Хотя я в этом очень сильно сомневаюсь, последнее время не приносит. И пробей, кто этот бездыханный.

— Уже. Степак Виктор Матвеевич, уроженец... — начал Рамиль, и каждое слово ударило в грудь хорошо заточенным кинжалом.

— Не продолжай, — я с силой сжал веки. — Я знаю его. Сука, — шумно выдыхая, провел ладонью по лицу. Какого мать вашу хрена!

Со Степаком я сотрудничал лет девять-десять назад, неплохой мужик. Вместе с ним первые гостиницы запускали. Было чему у него поучиться, да и из разных непростых ситуаций он меня вытаскивал. Лет шесть назад он уехал из города, кто-то говорил, что в столицу подался, кто-то, что за границу свалил. Мне в то время абсолютно побоку были чужие перемещения, тогда болел отец, и моя голова была сосредоточена на своих проблемах. И вот сейчас его труп в тачке Мироновой. Сюрреализм чистой воды. Я крайне редко бываю растерян, но сейчас был именно тот самый момент.

— Узнай, была ли Миронова знакома со Степаком, пересекались ли они, может, дела общие были.

— Парни уже работают по этому вопросу.

— Хорошо.

Звонок Кириллу, координирование людей, дополнительные распоряжения. Сделав все, что мог, поехал обратно в офис, титаническим усилием воли удерживая жалкие остатки контроля и твердую землю под ногами, которую так упорно пытались из-под меня выбить.

Разобравшись с последними на сегодня срочными документами, я плеснул в бокал ром и сел в кресло, пытаясь выстроить всю картину происходящего, дабы отследить хоть какую-то логику, стиль, вычислить в каком углу завелась крыса, которая явно сливала информацию.

Но так ни к чему и не пришёл: складывалось стойкое впечатление, что били только с одной целью — попасть, и неважно, в каком сегменте находился мой бизнес или просто отношения с людьми. С первого взгляда — абсолютный хаос, а со второго — выверенная точность: удары лишь по слабым местам, по точкам уязвимости. Только в случае с Мироновой они просчитались, или я еще не понял, для чего это было сделано на самом деле. Нулевой отчет Рамиля подтвердил мои предположения: ни одной ниточки от Степака к Мироновой не существовало в природе. Тогда чего я еще не вижу? Что мне не дает вычислить тварь, которая так виртуозно меня пытается закопать?

Плеснув в бокал еще порцию рома, попросил секретаря позвать ко мне Миронову.

— Вызывали, Тимур Алексеевич? — вошла в кабинет и, закрыв за собой дверь, остановилась в двух шагах от стола. Гордеев сделал глоток из своего бокала и посмотрел на меня с недобрый прищуром.

— Садись, — он кивнул в сторону кресла. Напряженность витала в воздухе и давила почти физически. Бокал отставлен в сторону, а пристальный взгляд темно-зеленых глаз устремлен прямо на меня

— Степак Виктор Матвеевич — это имя тебе знакомо? — спросил, и словно темные тени закружились в углах кабинета.

— Нет, — ответила без пауз. Я действительно не знала человека с таким именем. Но, судя по тому, как прищурились глаза Гордеева, он мне не поверил. Повисло молчание, тяжелое, угнетающее, и я невольно сжала кулаки, впиваясь ногтями в собственные ладони. Ненавидя себя в этот момент за испытываемый страх и ненавидя Гордеева за то, что заставлял меня его чувствовать. Потому что сейчас он был таким же, каким был тогда со мной на старой трассе, и по моей спине бежал холодный озноб под его взглядом.

— А теперь я задам этот вопрос еще раз, а ты хорошо подумаешь перед тем как на него ответить, очень хорошо, Лен, — в тоне голоса звучало неприкрытое предупреждение, что если я ему солгу, то последствия мне не понравятся. Вот только ложь мне была не нужна, я на самом деле не знала человека, о котором он спрашивал.

— И я еще раз тебе отвечу, что мне незнакомо это имя, я никого даже со схожими фамилиями не знаю. Что-то случилось? — старалась говорить ровно, спокойно, уверенно, но разум уже бился как птица в клетке.

— В твоей тачке обнаружен труп этого человека, — и кровь отхлынула от моего лица. Ужас в момент сковал сознание, медленно утягивая его на дно.

— Труп? — переспросила, не веря в то, что услышала. Гордеев кивнул, и мои нервы словно опалило огнем. Паника с каждой секундой заполняла каждую клетку и сжимала горло до подкатывающей тошноты. — Что теперь делать?

— Тебе? Отдать документы на машину Рамилю, он переоформит ее на какого-нибудь бомжа. Новую тачку получишь на днях, пока передвигаешься с Игорем или парнями из охраны, — лицо Гордеева было непроницаемо, а в его глазах — ужасающая меня твердость и едва сдерживаемая ярость.

— Кто это сделал? И для чего? — я поднялась, не в силах больше оставаться на одном месте, и отошла к окну, стараясь сделать полноценный вдох: казалось, кислород не доходил до легких, застревая где-то на полпути.

— Кто? Не знаю, но очень хочу узнать, — и его губы исказились в злой ухмылке, а я сглотнула и снова сжала кулаки, рванув ладонь собственными ногтями — боль позволяла держать разум в реальности, не давая поддаться порыву и удариться в истерику. Впервые порадовалась, что сняла гелевое покрытие.

— Почему, как только ты появляешься в моей жизни, все катится ко всем чертям и уровень моих проблем пробивает критическую отметку? Я что угодно могла ожидать. Но труп, Гордеев, это даже для тебя слишком.

И с моих губ сорвался нервный смешок, смешанный со стоном. Стоило оказаться рядом с этим мужчиной, и мир тут же затрепал по швам. Он как проклятие, как болезнь, как вирус, отравляет все вокруг себя.

— Не я его тебе подкинул, — он одним глотком опустошил бокал и с громким стуком поставил его на стол. — Но подгадить хотели мне. Только вот почему сейчас действовали через тебя? Это вопрос, который не дает мне покоя.

Гордеев плавно поднялся со своего места и подошел ко мне. Близко. Очень близко. Обрывая дыхание. Нарушая личное пространство и не давая сделать ни шага в сторону. За мной было лишь стекло панорамного окна — еще немного, и я упрусь в него спиной.

Глаза в глаза. И стойкое ощущение падения прошило тело. Коснулся пальцами моей щеки, обманчиво нежно уводя их за ухо и обхватывая шею, уже жестче. И темный обруч вокруг его радужки стал еще темнее.

— Если я узнаю, что ты не просто так вылезла на белый свет и ты связана с теми людьми, которые хотят меня уничтожить, я уже не остановлюсь, Лен, и рука больше не дрогнет, — бархат голоса ласкал слух и льдом обжигал внутренности. — И утаить это не выйдет, я все равно узнаю, кто за этим стоит, рано или поздно. Я понятно объяснил?

— Да, — на выдохе, и его взгляд скользнул по губам, а у меня в венах взвыл страх.

— Свободна, — его рука соскользнула с моей шеи, он отошел к столу, а я, не чувствуя собственного тела, направилась к двери.

Глава 13

Холод тек по жилам. Я сидела на заднем сиденье черного Лексуса, за окном мелькал ночной город с миллионом огней; летний, нагретый за день воздух опалял легкие, врываясь в салон через приоткрытое окно, а мои пальцы подрагивали от холода, когда я подносила ко рту сигарету, чтобы очередной раз затянуться в попытке успокоить хаос в собственной голове. Хаос, который рвал на куски мое сознание своей безысходностью. Мне было страшно. Нет, не настолько, как тогда, когда я встретила Гордеева в ресторане. В этот раз мне было гораздо страшнее — в тысячу раз, в сотни тысяч раз. Страх сковывал мышцы и не давал полноценно дышать, а мысль о том, что чей-то труп сейчас лежал в моей машине, выключала последние остатки моей смелости. Идея сбежать от Гордеева на другой конец мира становилась с каждой секундой все более привлекательной.

От звука телефонного звонка дернулась, как от выстрела, и сердце зашлось в ускоренном ритме. Чертыхнулась и, выбросив докуренную сигарету, провела пальцем по экрану, принимая вызов от Авериной. Инга словно чувствовала мою в ней потребность.

— Привет. Ты дома? — ее голос подействовал на меня как стабилизатор, приводя внутренний хаос в подобие равновесия.

— Через пять минут буду. Приедешь? — последнее с надеждой.

— Да.

— Захвати красного.

— Бутылку?

— Две.

— Совсем пиздец?

— Тотальный.

— Жди, — Инга сбросила? вызов, а я откинула на подголовник голову и попыталась дышать ровно и глубоко, чтобы хоть немного унять творившийся внутри ад и усиливающуюся тревогу.

Инга подъехала к моему дому в момент, когда я только вошла в квартиру. Ответив на вопрос консьержа, ожидаю ли я гостей, я приоткрыла дверь, и спустя пару минут Аверина продефилировала от лифта в мой коридор.

Инга всегда восхищала меня твердостью, способностью мыслить правильно, рационально и трезво в любой ситуации. Мне кажется, даже если землю накроет апокалипсис, она тут же если не спасет мир, то возглавит какой-нибудь отряд и обеспечит ему выживание. Я же, по сравнению с ней, глупая эмоциональная размазня.

Пока я принимала душ, она уже накрыла стол и открыла вино.

— У тебя в кармане скатерть-самобранка? — спросила, проходя на собственную кухню и вытирая волосы полотенцем.

— Ну, я же знаю, что покушать ты любишь, поэтому с пустыми руками не хожу.

— Выставляешь меня какой-то обжорой.

— Ой, Миронова, помолчи. Ты в зеркало вообще смотришь? С твоей тощей задницей и метаболизмом, хоть самосвал съешь, все равно прекрасна будешь. А я просто голодная в магазин зашла — вот и накупила.

Бокалы были наполнены, а легкий разговор постепенно переходил на темы, связанные с работой, и я понимала, во что это сейчас выльется.

— У меня на самом деле к тебе два вопроса, — пригубив вино, произнесла Инга, сбросив маску беззаботности. — Первый: что за херня сегодня случилась у Гордеева? О которой даже Кирилл мне говорить не хочет и ходит с лицом, будто об мраморную плиту приложился. И второй: почему ты работаешь на Тимура? — я глубоко вздохнула и опустила взгляд в тарелку,

гоня по ней вилкой остатки салата. Впервые было стыдно за собственный поступок, совершенный семь лет назад. Перед Гордеевым не стыдно, а перед подругой... сквозь землю провалиться готова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.